

Виктория Романенко

Наталья Ляховая

Зооконцепт «скот»

в творчестве Константина Станюковича

В отличие от художников слова, для которых тема живой природы помогает осознанию места в ней самого человека (экологическая тема), К.М. Станюкович, как писатель-демократ, акцентирует внимание на двойственной природе персонажей: человек и/или зверь, животное. Поэтому семантика концепта «животное» включает, помимо представления о соответствующем млекопитающем, птице, насекомом как объекте живой природы, представление о коннотативных свойствах животных, принятых в данном лингвокультурном пространстве.

В творчестве К.М. Станюковича двойственность номинативного статуса зоосемических единиц проявляется на функциональном уровне: большинство из них в прямом значении являются наименованиями животных и их классов, в переносных же значениях выступают как характеризующие, предикативные элементы.

Концепт «животное» в произведениях К.М. Станюковича представлен названиями как диких, так и домашних животных: бык, волк, свинья, кошка, собака, голубь, коза, овца, альбатрос, акула, штормовка, глупыши, кайман и другие. Атрибутивы, относящиеся к зооморфной лексике и поясняющие ее, реализуют родовые качества, цвет, повадки, характер животного: рычащий, ревуший, хищный, сильный, свирепый.

Большинство сравнительных конструкций с зоонимами в художественной картине мира К.М. Станюковича составляют сравнения, описывающие человека, его внешность, характер, отношения, образ жизни: «напиваться как свинья», «жить как свинья», «сильный, как бык», «свирепый, как зверь», «ездить птичкой». Сравнениям с животными может подвергаться не только человек, но и предметы окружающего мира: море, корабль, бытовые предметы. Так, в условиях метафорической сочетаемости концепты, или лингвокультуремы, проявляют квазиденотативные, культурно обусловленные признаки, называемые в лексикологии потенциальными семами.

Одним из таких способов актуализации потенциальных сем является культурная коннотация. Под культурной коннотацией В.Н. Телия предлагает понимать интерпретацию «денотативного или образно мотивированного,

квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры»¹. Притом вместе с квазиденотативными признаками культурный концепт, или лингвокультурема, меняет эмоционально-оценочный заряд или интенсифицирует его.

Анализ контекстной сочетаемости концепта «животное» и его репрезентантов показывает, что в зависимости от словесного окружения, они могут иметь значения, далекие от значений, прописанных в толковых словарях. В этом случае концепт «животное» приобретает переносные, контекстуальные (квазиденотативные) значения:

1) человек как животное:

- характеристика человека по его пристрастиям к чему-либо: «...это дядюшка-адмирал, этот старый чудак и завзятый морской волк...»; «...шведский рыцарь Магнус, прозванный за необыкновенную езду на коне «Птичкой» ... положил основание фамилии Птичкиных»;
- характеристика человека по манере поведения, поступкам или по производимым действиям: «дикая козочка», «корпусная крыса», «командир – голубь», «стрекоза» («Он не такая стрекоза, как ты!»); капитан-лейтенант Барабанов «зверь был известный»; «какие ужасные звери бывали люди»; «матросы отряхнулись, словно утки от воды»; «Они живут как свиньи, эти негры!», «Комната далеко не оправдывала репутации «свиней»», «Еще бы такого быка, как ты укачало»;
- междометные обращения-диминывы: «Только ему было бы, голубчику, хорошо...»; «И вообще береги себя, голубчик»; «Да что ты, голубчик... разве я сержусь?»; «Прощайте, голубушка!...»;
- зооморфные фамилии: Степан Ильич Овчинников, Иволгин, Быков, Кошкин; Серж Птичкин, Коршунов, Ястребов, Сорокин, Воронов, Воробьев (из рассказа Серж Птичкин);
- по соотношению размеров: на реях «словно муравьи, чернели перегнувшиеся люди»; «Еще бы такого быка, как ты укачало»;
- зоосемные фразеологизмы: «драл, как сидорову козу»; «...Володя удовлетворил по возможности свой волчий аппетит...»; «небо с овчинку покажется»;
- по сходству позы, внешности: «Еще бы такого быка, как ты укачало»; англичанин «стал у компаса в позе настоящего «морского волка»»; «Несколько грубоватый и в то же время крайне добродушный, напоминающий своей внешностью настоящего куперовского «морского волка»»; «Его остроконечная голова... казалась еще острее от старинной прически, которую он носил в виде возвышавшегося, словно петуший гребешок, кока над большим открытым лбом»;
- по отлаженности групповых действий, по дисциплине: «И когда эта команда раздалась, матросы, словно белые муравьи, рассыпались по обоим бортам...»;

2) корабль/ баркас как птица:

- орнитологическое название: «Коршун»;

¹ В.Н. Телия, *Русская фразеология: семантический, прагматический, культурологический аспекты*, Москва 1996, с. 214.

- по внешнему сходству: «... «Коршун» весь покрылся парусами и, словно гигантская белоснежная птица, бесшумно понесся, слегка накренившись и с тихим гулом рассекая своим острым носом воду [...], разбиваясь о его «скулы»; корвет казался «теперь какой-то фантастической гигантской птицей»;
 - корабль как скорлупа от яйца: корвет казался «среди необъятного беснующегося моря какой-то ничтожной скорлупкой...»;
 - по сходству производимых действий: «... «Коршун» продолжает нырять в этих водяных глыбах [...], отряхиваясь, словно гигантская птица, от воды»;
- 3) описание состояния природы по характеру животного: «Погода, как видите, собачья...»; «Немецкое море уж такое, можно сказать, свинское... часто треплет, а главное – качка в нем преподлейшая...»; «Оно (море) рокотало, все еще грозное, но не гудело с ревом беснующегося стихийного зверя»;
 - 4) отсубстантивные глаголы с семой «животное»: зверствовать, ежиться;
 - 5) глаголы, образованные от звукоподражаний: рявкнул, «мурлыкал себе под нос»;
 - 6) процесс обратной номинации – животное как человек: человеческие имена обезьянок Соньки и Егорушки.

Одной из частных репрезентаций концепта «домашнее животное» в произведениях К.М. Станюковича является группа номинаций с интегративной семой «скот»: «свинья», «скотина», «конь», «осел», «лошадь» и производные от них.

Не менее частотным по употреблению в произведениях К.М. Станюковича является концепт «свинья», вербализованный видовыми и характерологическими обозначениями: «боров», «поросенок», «свинство», «свинский» и другими. Данные лексемы реализуют как прямое номинативное значение, обозначающая реальный объект, так и метафорический смысл.

Так, значение слова «боров» характеризуется коннотациями «неповоротливость», «тяжеловесность», «немереная сила», «грубость»: «А если «толстый боров» заартачится, он удерет и без разрешения» (о капитане). В нелестном отзыве о капитане подчеркивается его упитанная комплекция.

В следующем примере сигнификативным также является признак «тяжеловесность», «раскормленность»: «Вон, взгляните на того толстяка с отвислой губой и с оголенным черепом, похожего на раскормленного борова, со звездой Льва и Солнца» (рассказ Бесшабашный). Сравнивая землевладельца с боровом, получившим «звезду Льва и Солнца», автор подчеркивает отсутствие у него совести (свинье не по рангу такие награды), которая и должна отличать человека от свиньи: «У животных нет совести, и они – ничего, живут себе, не чувствуя в ней потребности» (Бесшабашный).

При характеристике персонажей автор часто использует прием оксюморона. Сочетание несоединимого вызывает усмешки у других персонажей: «Все понимали причину его «разносов» и посмеивались втихомолку над «влюбленным боровом»...» (повесть Пассажирика).

В порыве самокритики герой не стесняется в выражениях: «И какая же, однако, я был свинья!» (повесть Пассажирика), Во фразе: «...все бы перепились, как последние свиньи...» автор трансформирует фразеологизм «напиться как свинья», основанный на стереотипно-обусловленном внешнем сходстве пьяных со свиньями (по цвету, запаху, положению в пространстве, поведенческим характеристикам).

В качестве характеризующей метафоры с негативным или смягченно-негативным значением иногда выступают и производные от лексемы «свинья» номинации: «Все это была ерунда... все это свинство!» – еще раз повторил мичман, бросая умиленный взгляд через капитанский люк.

Как показывает исследование, концепт «свинья» является лингвокультуремой, то есть обладает таким сигнификативно-коннотативным потенциалом, который отражает фоновые (контекстуально-обусловленные, ситуативные) знания представителей данной лингвокультурной общности и самого К.М. Станюковича.

Зооконцепт «лошадь» представлен в творчестве К.М. Станюковича следующим лексемным рядом: «степной коник», «степные кони», «серый коник», «пара маленьких лошадок», «лошадиный барышник», «покупать коня с браком», «заржать», «упрям, как лошак», «взмыленный конь», фамилия золотопромышленника «Коновалов». Концепт «лошадь» в основном вербализуется двумя вариантами лексем, номинирующих противоположных по гендерной принадлежности животных – «конь» (м.р.) и «лошадь» (ж.р.). Иногда признак гендерной принадлежности подавляется другим доминирующим признаком, связанным с функциональной ролью этого животного. В большинстве случаев в произведениях К.М. Станюковича лексема «лошадь» употребляется в прямом, номинативном значении с доминирующей семой «домашнее тягловое животное», поэтому лошади обычно изображены в упряжи: Коляска «...была запряжена парой маленьких лошадок, на козлах которой восседал старый коричневый метис...»; «...с сердцем вытянул кнутом вдоль по спине своего взмыленного коня».

Концепт «лошадь» вызывает в сознании людей ассоциативный ряд, отражающий тяжелую участь этого животного в связи с его эксплуатацией человеком: «тяжесть», «вожжи», «хомут», «везти», «плеть», «в мыле», «запрячь», «оседлать», «объездить коня», «подковать»: «Степные кони, не привыкшие носить тяжести на спине, сбрасывали тяжелые артиллерийские вьюки, вырывались, безумно носились по площади и полотну, спотыкаясь об рельсы» (Дорога).

Поведенческие признаки животных в творчестве К.М. Станюковича часто примеряются на людей: сравнивая людей с лошадьми, автор актуализирует такие квазиденотативные признаки, как «прыткость», «игривость», «работоспособность», «молодецкая удаль», «упрямство» и так далее. «Сережа вспыхнул, и ноздри его задрожали, как у степного коника» (Грозный адмирал). Внимание автора к ноздрям Сережи не случайно, как и сравнение со «степным коником»: опытные коневоды говорят, что лошадь раздувает ноздри, иначе фыркает, выражая недовольство или удивление.

Одним из критериев негативной оценки образа Щетинникова становится довольно циничное отношение к женщинам: «...он оценивал внешность Зои Сергеевны во всех подробностях, с объективным хладнокровием лошадиного барышника, покупающего коня с браком» (Бесшабашный). Прием параллелизма образов (он – барышник; она – лошадь) лишь усиливает неприязненное отношение читателя к этому персонажу, живущему по законам животного мира.

Сравнение поведенческих линий животного и человека используется автором для оценки персонажа и его поступков, для создания комического эффекта и для придания насмешливо-пренебрежительной, грубой, уничижительной окраски разговору: «Уже заржали молодцы!» – говорит артиллерийский офицер о рядовых служащих, используя вместо «засмеялись» грубо насмешливую форму «заржали», уподобляя «молодцов» лошадям (Пассажирка).

Персонажи могут сравниваться, сопоставляться и противопоставляться как группе лошадей, так и их отдельному представителю: «Сумасброд на редкость и упрям, как лошак» (штурман о Цветкове, повесть Пассажирка). В данном контексте актуализирован такой перформативный признак лошади, как «упрямство», которым и наделяется сравниваемый с ней Цветков.

В рассказе Господин с «настроением» встречается фразеологизм «врет как сивый мерин» в значении «врет, пустословит, несет вздор». Мерин – кастрированный жеребец, отличающийся своим кротким нравом и податливостью. «Сивый» цвет, по В.И. Далю, это «темно-сизый, серый и седой, темный с сединою, с примесью белесоватого, либо пепельного», он служит индикатором породы или возраста животного. По поверьям, мерин «врал», то есть неверно прокладывал, ошибался при прокладке борозды, поэтому крестьяне избегали на сивом мерине делать борозду.

Трансформировав фразеологизм и применив его к ситуации сна, автор показывает степень погружения чиновников в ложь и обманы, а также степень утраты ими совести: чиновники «...действительно на службе только спят и даже во сне бредят как сивые мерини...» (Господин с «настроением»).

Зоосемизм «осел» употребляется в качестве бранного, междометного слова с негативной эмотивно-оценочной коннотацией, как, например, в следующей фразе неодобрительного характера: «Дурак был, осёл!».

В выражении героини «Ну и дурак... и болван... и осел!» – вдруг вспыхнула адмиральша» (Грозный адмирал) дается неодобрительная характеристика непокорному, упрямому сыну Сереже. Так актуализируется культурно-стереотипный признак концепта «осел» – «упрямство».

В произведениях К.М. Станюковича неоднократно встречаем полуотвлеченный концепт «скотина», реализующий сему «представитель крупного рогатого скота».

Употребленный применительно к человеку, зооконцепт «скотина» метафоризируется и обрастает негативной коннотацией: «Скотина! – вдруг крикнул адмирал и стукнул кулаком по столу так громко, что адмиральша вздрогнула» (о прокутившемся сыне Лене, повесть Грозный адмирал). В концептосфере русского мира лексема «скотина» выступает в роли бранного слова. Так, в повести Пассажирка Цветков говорит штурману: «А скотина

Бакланов... Обратите внимание, как подло он на нее глядит... Разве можно так оскорблять порядочную женщину и разве не следует проучить подобного нахала?» Здесь бранное слово-зооним «скотина» используется в значении «похотливое животное».

В романе Вокруг света на «Коршуне» бранные слова с зооморфной семой часто используются при описании экстремальных ситуаций на судне, например: «И как он смел, скотина!».

Характер вербализации концептов «корова / бык» обнаруживает неоднородную природу. Чаще всего концепты маркированы лексемами, непосредственно обозначающими животных женского пола (корова) и мужского пола (бык). Промежуточным звеном между концептами «корова» и «бык» с морфологически и лексически конкретизированными признаками гендерной принадлежности является концепт «теленки» с доминантным признаком возрастной принадлежности.

Такие качества, как «наивность», «послушание», «покладистость», «пугливость», присущие человеку, актуализированные в концепте «теленки» реализуются в следующих контекстах:

«С мужчинами, ежели по службе, прямо сказать, зубастая щука, а с вашей, примерно, сестрой – вроде бытто теленка...».

На корвете он казался орел-орлом, особенно когда стоял на мостике во время авралов или управлялся в свежую погоду, а здесь вот, при жене, совсем другой, «вроде бытто послушливого теленка».

«Известие это ошеломило Гришу. Он прибежал наверх, бросился на шею к Арине Кузьминишне и заревел, как теленок, которого собираются резать».

Идиоматические выражения с производными от концепта «теленки» зоолексемами типа «телячий» образованы путем переноса этих лексем за пределы зоосферы в антропосферу.

Так, идиома «телячий восторг» означает бессмысленный, беспричинный восторг и имеет оттенок иронии. В «телячий восторг» приходит получивший новое денежное место репортера Прощальщиков, заискивающий перед работодателем в рассказе Бесшабашный: «Прощальщиков тает и уходит в телячьем восторге, получив тут же в кабинете место юрисконсульта в отделении «текущих счетов» с обязательством приходиться лишь двадцатого числа за жалованьем».

В трансформированной идиоме «телячий экстаз», восходящей к «телячьему восторгу», состояние персонажа характеризуется крайней степенью растерянности, приводящей к состоянию забывчивости, беспамятства: «...мичман находился в телячьем экстазе и едва ли помнил, что говорил». Подобное ситуативное эмоционально-психическое состояние в данном случае обозначает устойчивую характеристику персонажа, которому присуща излишняя восторженность.

В повести Пассажирка характеризующей синекдохической деталью персонажа является «телячье выражение» глаз как индекс добродушия, веселости: «Веселый и ставший необыкновенно добродушным капитан, глаза которого с начала обеда приняли несколько телячье выражение».

Авторская идиома «быть бы бычку на веревочке» построена на параллелизме образов и ситуаций: человек – бычок; «быть на веревочке» – «попасть под суд за самовольную отлучку и лишиться жалованья» – и сближает положение матросов с положением животных на привязи.

В идиоматическом выражении «человек на кормах» из рассказа Дяденька Протас Иванович вместо параллелизма образов использован прием замещения названия животного словом «человек», что уравнивает человека с животным. Речь в данном случае идет о человеке – приспособленце, удачно пристроившемся на службу с помощью протекции родственника.

К одной из репрезентаций зооконцепта «бык» относится лексема «буйвол» с доминантным признаком видовой принадлежности к семейству полорогих и производное от нее слово «буйволятина», где суффикс «-ятин-» вводит значение «мясо буйвола»: «...малайцы, особенно сельские жители, народ тихий» имел «при себе верного помощника – буйвола». «Мяса он [народ] почти не ест и только в редких, исключительных случаях позволяет себе полакомиться «буйволятиной».

В творчестве К.М. Станюковича двойственность номинативного статуса зоосемических единиц проявляется на функциональном уровне: большинство из них в прямом значении являются наименованиями животных и их классов, в переносных же значениях выступают как характеризующие, предикативные элементы.

Концепт «скот» в произведениях К.М. Станюковича представлен названиями как диких, так и домашних животных. Довольно многочисленны сравнения человека по его внешности, характеру, отношениям, образу жизни с такими животными, как осел, лошадь, свинья, бык, корова («напиваться как свинья», «жить как свинья», «сильный, как бык» и под.). В условиях метафорической сочетаемости зооморфные концепты, или лингвокультуремы, проявляют квазиденотативные, культурно обусловленные признаки.

Итак, в русской картине мира концепт «скот» имеет резко отрицательную метафорическую коннотацию, которая проявляется в условиях особой, синтаксически обусловленной, позиции за счет содержательного потенциала зоосемического образа и в эмоциональном контексте выступает в качестве характеризующего бранного слова.

Даже выборочное исследование зооконцепта «скот» из произведений К.С. Станюковича позволяет обнаружить, что, помимо основной, денотативной, функции, вербализованный ряд данного концепта выполняет такие дополнительные функции, как экспрессивно-образная и эмоционально-оценочная.

Литература

Даль В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, Санкт-Петербург–Москва 1880–1882.

Станюкович К.М., *Собрание сочинений в десяти томах*, Москва 1977, сс. 234.

Телия В.Н., *Русская фразеология: семантический, прагматический, культурологический аспекты*, Москва 1996, сс. 234.

**Зооконцепт «скот»
в творчестве Константина Станюковича**
Резюме

В статье говорится о концептуальной значимости зооконцепта «скот» в творчестве К.М. Станюковича и его коннотативных свойствах, принятых в русском лингвокультурном пространстве.

Ключевые слова: концепт, зоосемизм, сема

**Zookontsept «Cattle»
in Creativity of Konstantin Stanyukovich**
Abstract

The article talks about the conceptual significance of zookoncept "cattle" in the works of K.M. Stanyukovich and its konnotativnyh properties, taken in Russian lingvokulturnom space.

Key words: concept, totemism, sema

Виктория Романенко, канд. филол. наук, доцент
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Тирасполь
e-mail: vita28-28@mail.ru

Наталья Ляховая
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Тирасполь